

Виктор Васильевич Кабакин

*Ошибка
олигарха*

Виктор Васильевич Кабакин

Ошибка олигарха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63077626

ISBN 9785005172761

Аннотация

«Внешне – это детектив: острый сюжет, увлекательная интрига, неожиданные ситуации, в которые попадает следователь, выясняющий обстоятельства гибели влюбленной девушки. Отмечу также ловко закрученное действие. Все это вовлекает читателя в водоворот ошеломляющих событий, которые происходят на яхте олигарха, в Москве, Ейске, на трассе „Дон“. Повесть не отпускает до самого конца». Владимир Грибов, член Союза писателей РФ.

Содержание

Ошибка олигарха	5
Часть 1. Катя	5
1	6
2	11
3	15
4	17
5	20
6	24
7	27
8	32
9	38
10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ошибка олигарха

**Виктор Васильевич
Кабакин**

© Виктор Васильевич Кабакин, 2020

ISBN 978-5-0051-7276-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ошибка олигарха

Часть 1. Катя

1

Эдуард Матусович терпеть не мог общаться с журналистами. Потому что хорошо знал их натуру. Им только дай повод позубоскалить. Гоняются за сенсациями, грубо вмешиваются в то, что их совершенно не касается, часто извратят все, наворотят груды лжи.

Впрочем, дело даже не в этом. Он не любил публичности, не любил давать интервью, не любил никого впускать ни в свою личную, ни в деловую жизнь. По опыту знал: настоящие, серьезные дела не терпят гласности и суеты, они должны вершиться по-тихому и узким кругом. Не надо высываться. Едва появляется шумиха – тут же возникают разные сложности. Уже потом, постфактум, можно кое-что сделать достоянием общественности, бросить кое-какой кусок на потеху публики. Причем весьма и весьма дозировано.

Этому правилу он строго следовал еще с того времени, когда только начинал свое восхождение на сложный, опасный, но такой заманчивый Олимп бизнеса и финансов.

Эдуард Аркадьевич поморщился. Нет, этот настырный журналюга явно его достал. Как по-идиотски он сформулировал по телефону вопрос: хочу спросить у вас, зачем вам столько денег?

Матусович усмехнулся. С таким же успехом он мог бы спросить, например, у художника Марка Шагала, если бы

тот, конечно, был жив, – зачем он рисовал столько картин? Или скульптора Энтони Гормли..., или музыканта Элтона Джона...? Можно быть гением в литературе, музыке, живописи, архитектуре, науке. Он же, Матусович – гений в бизнесе. Иначе как бы он стал одним из самых богатых людей не только российского уровня, но и в мировом масштабе! Да еще за такой короткий срок.

Нет, настоящий талант не имеет границ и не терпит остановки. Он требует все новой и новой пищи. Застой равносильно гибели. Но быть гением непросто. Хотя бы потому, что ты становишься объектом самого пристального внимания и зависти. А зависть уничтожает в человеке все живое и тесно связана с подлостью. Любой готов поставить тебе подножку. Любой злорадствует, если вдруг у тебя что-то пошло не так. Поэтому гении, как правило, не имеют друзей. Они – одиноки. Да, есть компаньоны, партнеры по бизнесу, временные союзники, есть толковые исполнители, организаторы... Но только не друзья, ибо едва речь начинает идти о больших деньгах, бывшие друзья тут же могут стать непримиримыми врагами. Уж он, Матусович, знает это лучше других.

Конечно вначале, когда только вступаешь на тернистый путь бизнеса, деньги являются самоцелью. А как иначе? Их надо заработать и много, чтобы двигаться дальше. Постепенно из цели они превращаются в средство. В средство для достижения новых целей. Вот такая диалектика. Материальные

блага, комфорт жизни? Ну да, конечно. Но не это главное. Основное, несомненно, – это влияние и возможности, возможности и влияние.

Вот вершина, которая доступна единицам. Как в альпинизме – восхождение начинают многие, но пика достигают самые упорные, знающие и опытные. А сколько в процессе восхождения срывается в пропасть и погибает. Стоять на пике непросто, он такой тесный и острый, одно неловкое движение, и ты камнем летишь вниз. Да еще кто-то нарочно стремится тебя локтем подтолкнуть...

Зато, какое упоение охватывает на вершине. Ощущение безграничного простора, осознание того, что перед тобой практически нет преград, неоткрываемых замков и запоров... Тебе доступно и дозволено все. Ну, почти все. Крупные политики, ученые, люди искусства считают за честь общаться с тобой. Самые великие мира сего... И ты один из них.

Как все это объяснить простому журналисту, весьма далекому от понимания жизни гения?

Матусович любил этот утренний рассветный час, когда так хорошо, глубоко и умно думалось. Час, как говорят французы, между волком и собакой. В одиночестве стоял он на носу яхты, которая почти бесшумно раскраивала серебристо-серое полотно моря. Прислуга знала, что в такие минуты попадаться на глаза хозяину, и уж тем более его беспокоить, ни в коем случае нельзя. Иначе... «Опять медитиру-

ет, – усмехаясь, шептались они между собой. – Значит, снова какие-то неприятности».

Эдуард Аркадьевич замер в предвкушении предстоящего действия, давно знакомого, но всегда действовавшего на него неотразимо мощно. Он испытывал почти первобытный трепет перед сценой, которая сейчас разворачивалась на его глазах.

Заря на востоке разгоралась все ярче и сильнее. Постепенно розовела и морская гладь, торжественно готовясь к принятию нового дня. И наконец, вот оно – чудо, миг появления из глубинных недр кусочка огненного шара, который по мере подъема пламенел и ширился. Солнце неторопливо поднималось, раскидывая повсюду багровую мантию. Постепенно преображая мир вокруг себя, оно само ярко отражалось в зеркале моря, как бы любуясь собой. Море же, до этого скучное, почти однотонное, словно обрадовавшись долгожданному свиданию, ликуя и торжествуя, начинало искриться и переливаться тысячами красочных оттенков. Проснувшаяся природа заново себя воскрешала.

За миллионы лет до его, Матусовича, рождения солнце вот так же всходило и потом, когда его уже не станет, еще миллионы лет будет создавать свои гениальные рассветные картины. Ах, почему так до обидного коротка человеческая жизнь?! И миллиарды долларов тут ничего не изменят... Эдуард Аркадьевич улыбнулся своей, всем известной, немного печальной и задумчивой улыбкой. В какие-то мо-

менты он любил быть сентиментальным. Вот как сейчас.

Увы, привыкаешь ко всему: успехам и неудачам, к славе, богатству, всеобщему вниманию, даже к самой горячей любви, даже к собственной избранности и начинаешь воспринимать их как заурядную повседневность. А вот к этому чуду Матусович никогда не мог привыкнуть. Ему казалось, что именно он, как повивальная бабка, принимает роды нового дня. И если бы его здесь не было, то и день бы не появился. В такие мгновения он явно ощущал сопричастность с таинством и величием природы и испытывал при этом особое благоговение. Его чувства обнажались и обострялись, разум светлел, а после такого величайшего душевного подъема он всегда находил верное решение самых трудных вопросов. Как будто сама природа давала ему правильный совет.

2

Андрей к завтраку не вышел. Матусович, нервно поправляя на коленях белоснежную салфетку, спросил у официанта, где сын. Официант, который лишь несколько дней назад приступил к работе на яхте, испуганно произнес:

– Он остался у себя, Эдуард Аркадьевич. Велел завтрак принести в каюту.

В полном молчании Матусович закончил трапезу, затем вышел из столовой и направился к каюте сына. Несколько дней назад произошел инцидент, после которого Андрей стал окончательно избегать отца.

Дело было так. Спускаясь по лестнице на нижнюю палубу, Эдуард Аркадьевич вдруг услышал некий подозрительный шум. Под лестницей остолбеневший бизнесмен стал свидетелем весьма пикантной сцены. Юбка у молодой официантки была задрана, хорошо просматривались ее стройные, загорелые бедра, сама же она руками уперлась в стенку, а сзади к красавице очень уютно пристроился Андрей. Увидев отца, он усмехнулся, не спеша оторвался от девушки, поправил брюки и медленно удалился. Побелевшая и онемевшая от ужаса девушка никак не могла поднять трясущимися руками трусики с пола... Матусович молча отвернулся и быстро поднялся наверх.

В тот же день официантка была уволена и отправлена вер-

толетом на землю.

...Андрей лежал на диване, закинув руки за голову и отрешенно уставившись в потолок. Одет он был в светлые джинсы с дырками на коленях и оранжевую футболку с изображением чайки на груди. На столе стоял нетронутый завтрак. При входе отца он даже не повернул в его сторону голову.

Матусович медленно подошел к окну, долго глядел куда-то вдаль, потом, не оборачиваясь, тихо сказал:

– Давай поговорим, Андрей.

– О чем?

– Может, ты все-таки поешь? – Эдуард Аркадьевич почти просительно взглянул на сына. Тот не отозвался. Молчание явно затягивалось. Матусович чувствовал, как его прежняя решимость поговорить с Андреем куда-то улечивается, а продуманный план разговора явно ломается. Но тут молодой человек быстро соскочил с кровати и, как угорелый, стал метаться по комнате – туда-сюда, туда-сюда.

– Может, ты думаешь, что я сержусь на тебя из-за недавнего случая с официанткой? Уверяю, что нет, – сказал Матусович.

Андрей резко остановился посередине комнаты.

– Причем здесь официантка. Да она сама типа напросилась на палку.

Матусович терпеть не мог излюбленных словечек современной молодежи – «типа», «короче», «прикинь» и прочих, коими изобиловала речь Андрея, и всегда морщился, когда

слышал их от сына. Но сейчас к его речевым особенностям – ноль внимания.

– Неужели ты так ничего и не понял? – сын пристально взглянул на отца. – Или, блин, прикидываешься?

– Ты о чем?

– Так ведь это ты убил Катю!

Андрей бросился ничком на кровать и накрылся подушкой.

– Уйди, уйди. Ни видеть, ни слышать тебя не хочу, – замотал он головой.

– Ее никто не убивал, – мягко сказал Матусович. – Она сама покончила с собой. И ты это знаешь не хуже меня.

– А кто ее довел до этого? – Андрей почти истерично засмеялся. – Ты! Ты! Ты!

– Да я никогда в глаза ее не видел.

– Перестань..., – Андрей чуть не сказал – «отец», но быстро спохватился. – Неужели, я такой дурак и ничего не понимаю. Короче, я тебе этого никогда не прощу. Запомни. Никогда!

На скулах Эдуарда Аркадьевича заходили желваки. Он присел на кровать сына и мягко положил руки на его плечи.

– Послушай меня, сын. Я не меньше твоего переживаю по этому поводу. Но я ни в чем не виноват. Да, мне не очень нравилось, что ты встречаешься с этой девушкой, но... Уверяю тебя, я сделаю все возможное, чтобы инцидент с ее гибелью был тщательно расследован. И, возможно, тогда ты убе-

дишься в полной моей невинности.

– Я... Тебе... Не... Верю.

Ненависть, с которой юноша посмотрел на Матусовича, поразила его.

3

Мог ли я предположить, что некое, совсем постороннее событие вдруг кардинальным образом повлияет на мою дальнейшую судьбу и перевернет в ней многое? Ну, решила какая-то девушка свести со своей жизнью счеты, ну совершила самоубийство! Известие, без сомнения, является трагичным для родственников, да еще, пожалуй, близких друзей опечалит. Для всех остальных пройдет незамеченным.

Ко мне дело о самоубийстве Кати Бежевой попало спустя месяц после происшествия. Начальник отдела, отпустив подчиненных с очередного совещания, многозначительно, совсем как известный персонаж в известном сериале о советском разведчике Штирлице, произнес: – А вас, Кузнечиков, попрошу остаться.

Я невольно усмехнулся. Полковник Саблин был обычно со мной на «ты». Если же переходил на официальный тон, то тем самым хотел подчеркнуть особую важность вопроса, который собирался озвучить. Вот и сейчас, насупившись, он смотрел на тонкую папку, лежащую на столе, затем постучал по ней согнутым указательным пальцем:

– Что-то мне здесь не нравится. – Николай Николаевич снова помолчал и прибавил с нажимом, вроде как энергично кому-то возражал: – Чтобы там ни говорили, но для самоубийства нужны очень веские основания. Тем более если это

касается молодой и весьма преуспевающей девушки. Участковый инспектор списал материал в архив, не найдя состава преступления. Но интуиция мне подсказывает – дело отнюдь не простое. Возьмите его и покрутите с разных сторон.

Всем в отделе известно, что интуиция нашего начальника – словно хороший локатор у подводной лодки: обычно не подводит и дает правильные ориентиры в любой ситуации. И если начальник сослался на свою интуицию, то перечить ему бесполезно.

Я ждал, что Саблин, в заключение, повторит свое любимое изречение: «Запомни, наиболее верное объяснение любой запутанной ситуации, как правило, очень простое. Не лезь в дебри, не усложняй, когда ищешь причину. Но и не забывай, что главная трудность часто состоит именно в том, чтобы найти это самое простое решение».

Однако в этот раз начальник сказал по-другому:

– Не мне тебя учить, но все же учти, – постоянно играй на опережение. Ты должен управлять процессом, а не тянуться вслед за ним. Особенно в этом деле... Ты все понял?

И он многозначительно посмотрел на меня. Ну, разве можно что-то возразить против такого мудрого напутствия.

Несведущему человеку трудно себе представить, что значит быть загнанным в угол? Когда не видишь выхода из невыносимого положения. Ужаснее состояния нет. Я размышлял об этом, вчитываясь в сухие протокольные строчки материала. Недостаток информации восполняло воображение.

Вот прижизненные фотоснимки не просто привлекательной, а, вне всякого сомнения, очаровательной девушки. Из нее получилась бы настоящая королева красоты. А рядом фотографии трупа – сначала висевшего в петле у окна, затем снятого с веревки: обзорный снимок, крупный план, отдельные детали... Картинки не для слабонервных.

Тут же следуют протоколы осмотра, медицинского освидетельствования, объяснения... Какие-то два картонных кружочка, на одном из которых стоит короткое «да», обведенное жирным красным овалом, на другом – «нет». Словно брошенный жребий. Короткая предсмертная записка: «Будь ты проклят!». Кому она адресована: любовнику, знакомому, мужу? Судя по справке, имевшейся в деле, девушка в браке не состояла. Почерк ровный, изящный, как будто хозяйка его не предсмертную в отчаянии записку писала, а аккуратно выполняла домашнее задание по чистописанию.

И еще схематичный рисунок: фигурка девушки, смотрев-

шей, как над морем восходит солнце. Или заходит?

И чудом сохранившийся, еле уловимый аромат духов, идущий от клочка бумаги.

О чем Катя Бежева думала в преддверии смерти, что чувствовала? Об этом теперь никто достоверно не узнает. Можно сделать только приблизительную зарисовку.

Вот она за столиком пишет записку. Закончила и несколько секунд сидит неподвижно, уставившись прямо перед собой. За ее спиной, страшным диссонансом к роскошному интерьеру комнаты, покачивается привязанная к массивному оконному карнизу веревка с петлей. Никаких эмоций на бледном лице девушке, все в ней сконцентрировано на том последнем акте, который вот-вот произойдет. Дьявол уже хорошо поработал и до основания выжиг ее душу.

Наконец девушка встает и бросает невидящий взгляд на окно – туда, где виднеется угол городской площади, золотистые купола церкви, сверкающие в лучах заходящего солнца, где кипит жизнь, шумят автомобили и спуют озабоченные люди. Какое ей до всего этого дело! Тот мир отныне ей не принадлежит. Так же, как и она ему.

Что ощутила в тот момент, когда жесткая веревка коснулась кожи, а петля обвилась вокруг шеи? Пошли ли от ужаса мурашки по телу, содрогнулось ли сердце? Или все ощущения уже полностью атрофировались?

А самый последний проблеск сознания перед окончательным уходом в небытие, когда уже ничего невозможно испра-

вить! Что в нем: вопль боли, протест, сожаление? Кто может это знать...

Девушка была явно не бедной, о чем свидетельствовали ее со вкусом подобранный гардероб, значительная сумма денег, найденная в сумке, дорогой номер гостиницы, в котором она провела последние часы жизни.

Молодость, красота, достаток и... такая чудовищная смерть – нелепое, необъяснимое с точки зрения здравого смысла, но, увы, реальное явление.

Что еще известно о девушке? Работала Катя в модельном бизнесе, часто ездила за границу. Вела замкнутый образ жизни, близких подруг среди коллег не имела. Недавно похоронила мать, которая сильно болела. Много денег тратила на ее лечение.

Участковый, не мудрствуя лукаво, выдвинул версию о том, что девушку в связи со смертью любимой матери якобы охватили невыносимые душевные переживания, которые и послужили причиной ее самоубийства.

Появление предсмертной записки с проклятиями в чей-то адрес он объяснил следующим образом: она, мол, имеет отношение к врачу, не сумевшему вылечить мать потерпевшей.

Коли так, то следствию конец и делу венец.

– Удалось установить, что за журналист мне звонил? – спросил Эдуард Аркадьевич начальника службы безопасности – элегантного, средних лет мужчину, в строгом черном костюме.

– Да, сэр, – коротко сказал Вильямс, ведавший охраной как самого Матусовича, так и членов его семьи. Разговаривали по-английски, поскольку мистер Вильямс еще плохо освоил русский. Еще год назад он доблестно служил ее Величеству королеве Англии, обеспечивая ее покой. Но жалованье, которое предложено было русским олигархом, в конце концов определило выбор безупречного англичанина. Предложение, от которого трудно было отказаться....

Матусович тоже был доволен выбором главы телохранителей, считавшимся одним из лучших профессионалов в своей области. И вообще, у Матусовича была страсть – иметь все самое лучшее. Если яхта – то самая большая и комфортабельная, жена – то самая красивая, замок – то самый оригинальный. Он задумал на острове в Карибском море построить новый особняк, и сейчас собирался посетить свою любимую Барселону, чтобы лучше ознакомиться с архитектурой Антонио Гауди... Наверное, страсть к роскоши у него – своего рода отрыжка от бедного сиротского существования в детстве: в три года он остался круглым сиротой, и дальней-

шим его воспитанием занимался дядя в режиме чрезвычайной строгости и экономии...

Тут надо пояснить, что сотовый номер, на который позвонил неведомый журналист, так взволновавший Матусовича, знал только самый близкий круг – его жена и еще несколько доверенных лица. Как этот папарацци сумел до него добраться? Впрочем, о чем тут говорить, если ты живешь в атмосфере неослабного внимания и слежки, в мире подлости, подкупа и предательства! Только за последний год Матусович несколько раз менял номер своего мобильного телефона.

– Кто же он?

– Некто Кузнечиков, сэр. Вы его знаете. Если позволите, я напомню: вы в юности с ним учились на юридическом факультете Московского университета.

Матусович удовлетворенно хмыкнул: нет, не зря все-таки этот долговязый англичанин ест его хлеб – как ни крути, а службу он знает. Надо же, докопался даже до этого, хотя его просили только установить фамилию и место работы дошного корреспондента. Он с трудом вспомнил своего однокурсника, у него еще прозвище было такое смешное – ну да, Кузнечик.

Разговор происходил в кабинете Матусовича, расположенном в той части яхты, куда совсем не доносился шум двигателя. В соседней комнате находилась его спальня, а чуть дальше – спальня жены. Матусович расположился в кресле, рядом с журнальным столиком. Напротив, на диване сидел

мистер Вильямс.

– От какого издания выступает этот Кузнечиков?

– Ни от какого? – невозмутимо ответил Вильямс. – Он вообще не журналист.

– Вот как? – удивился Матусович. – И кто же он?

– Полицейский следователь, сэр. Он расследует обстоятельства смерти Екатерины Бежевой. Сейчас от следствия отстранен. Более того, подозревается в коррупционной деятельности. Вот только странно...

– Что именно странно?

– Вроде, как Кузнечиков ушел в подполье, но... Мой агент позвонил на номер, с которого тот сделал вам звонок. Ответил он сам.

– То есть, вы хотите сказать, что он специально себя раскрывает.

– Похоже, что так, сэр. Я навел справки – он опытный следователь, большой профессионал... Ему ничего не стоило сделать звонок с нейтрального источника, так что никто бы и не догадался, кто и откуда звонил.

– Что же он хочет, как вы думаете? – спросил задумчиво Матусович.

– Он явно ищет контакта с вами, сэр. А вот зачем, – это предстоит выяснить.

– Так..., – задумался Матусович, постукивая пальцами по крышке журнального стола.

– Я уже принял кое-какие меры, – поспешно добавил Ви-

льямс.

– Только, пожалуйста, чтобы не получилось так, как с этой, как ее – Екатериной Бежевой... Чтобы никаких эксцессов, этих дешевых приемов из затасканных боевиков... Терпеть не могу... Докладывайте обо всем, что связано с Кузнечиковым. И еще, – добавил многозначительно Матусович, – очень прошу вас, проследите, чтобы нигде, повторяю, нигде не упоминался ни мой сын, ни я. Ни имени, ни фамилии – ничего. Моя репутация, как всегда, должна быть безупречной.

– У меня есть план, сэр. Если позволите, я доложу.

И оба склонились над столом, голова к голове, пока Вильямс вполголоса рассказывал о своем плане.

Знай я заранее, что впоследствии окажусь втянутым в круговерть драматических ситуаций, сплетенных вокруг таинственной незнакомки, отказался бы от расследования ее странного самоубийства? Конечно, нет. Только, наверное, стал бы..., нет, не то, что более осторожным. Ко мне такое определение не подходит. Я сторонник активных действий и взвешенного риска. Хотя бдительность еще никому никогда не мешала. Как говорится в поговорке, знать бы, где упасть, соломки постелить. Тогда, возможно, поворот событий не застал бы меня в какой-то момент врасплох... Однако все по порядку.

Мне впервые досталось дело о самоубийстве, поэтому я постарался выяснить, из-за чего человек обычно решается на страшный крайний исход?

Отбросим психическое помешательство, наркотическое или алкогольное опьянения. В данном случае к потерпевшей все это никакого отношения не имело.

Дальше – несчастная любовь. Среди юных девочек с неустойчивой нервной системой этот мотив может быть определяющим. Наша же «героиня» – взрослая, практичная, сформировавшаяся личность. Хотя, кто знает... Сам я когда-то испытал крушение своего семейного корабля, но, конечно, о самоубийстве у меня мысли не возникало. Впрочем,

женщинами любовная неудача воспринимается гораздо острее, чем мужчинами.

Наконец, следующее – неразрешимые жизненные проблемы, к примеру, огромный денежный долг, длительная безработица... Но и такое объяснение к девушке явно не подходит. Внешне у нее полное благополучие: интересная работа, хороший заработок, активная, насыщенная жизнь.

Вряд ли смерть матери, даже горячо любимой, могла настолько повлиять на Катю Бежеву, что она, потеряв голову, сунула ее в петлю. Когда случается подобное печальное событие, мы, конечно, очень переживаем, но в глубине души осознаем его естественность и неизбежность.

Значит, думал я, пока можно сделать лишь самый общий предварительный вывод: произошло стечение неких чрезвычайно неблагоприятных обстоятельств, которые наложились на особенности психической структуры Кати, что в совокупности привело ее к трагическому решению.

Сидя за столом служебного кабинета, я начертил на бумаге простейшую схему: одним квадратиком с буквой «а» посередине обозначил некие, важные для дела и требующие выяснения внешние обстоятельства. Второй квадратик – под латинской буквой «в» – означал личность девушки и ее душевное состояние накануне самоубийства. Наконец «с» – это неизвестный мужчина, проклинаемый девушкой. Соединив их между собой непрерывными линиями, я получил классический треугольник. Внутри него нарисовал маленькую ви-

селицу, она имела символ «d». Затем вывел следующую формулу: $a+v+c=d$... Рядом поставил жирный знак вопроса.

Я всегда считал, что к процессу следствия надо относиться, как к математической теореме. Из выявленных обстоятельств с неизбежностью должен вытекать только один-единственный вывод, исключаящий многозначность толкования. Так-то оно так... Увы, жизнь всегда гораздо сложнее любой, казалось бы, самой правильной теории. Хотя привычка сводить версии, требующие проверки, к неким формулам не исчезла, она придает моей работе последовательность и организованность.

Девушка сознательно оборвала все ниточки, соединявшие ее с жизнью. Теперь по неким признакам мне необходимо восстановить эти нити, воссоздать, так сказать, тот кусочек мира, в котором она когда-то существовала. Эта сконструированная виртуальная реальность должна быть логически стройной и безупречно убедительной, чтобы в нее поверили другие.

Кстати, а почему в ее вещах не оказалось мобильного – этого обязательного атрибута любого современного молодого человека или девушки? То есть, ее последние разговоры, информация о круге знакомых, фотографии, эсэмэски – все куда-то исчезло... Подозрительно? Без сомнения.

И конечно, в первую очередь мне хотелось бы узнать, кто тот мужчина, упомянутый с проклятьем в предсмертной записке.

Только подумал об этом, как раздался телефонный звонок. Я давно заметил удивительное и необъяснимое совпадение: нередко стоит мне вспомнить о ком-либо из друзей, с которым давно не общался, как он тут как тут – сам звонит или приходит. Мгновенная телепатия, что ли?

Однако сейчас меня потревожил отнюдь не знакомый. Голос в трубке был мужской, с бархатными нотками или, как нынче принято говорить, харизматический. Один раз услышишь – уже не забудешь. Его обладатель вежливо поздоровался, назвал меня по имени-отчеству, представился Сергеем Владимировичем Демьяновым – знакомым Бежевой.

– Мне известно, что вы расследуете обстоятельства самоубийства Катерины. (Откуда у него такая информация, ведь дело я получил только вчера и никому об этом не сообщал? – тут же мелькнуло в моей голове). Хочу с вами срочно переговорить. Я нахожусь недалеко, могли ли вы меня сейчас принять?

В его тоне чувствовалась убежденность, свидетельствующая о том, что в просьбе не откажут. Впрочем, желание наше было обоюдным.

Ровно через пять минут мужчина появился в кабинете.

Первый мимолетный взгляд о многом говорит. В наш век одежной стандартизации Демьянов был одет изящно

и со вкусом. Красивый легкий шарф в один оборот окружал его шею. И глаза – подернутые поволокой печали. Он присел (не сел) на край стула, вздохнул, провел рукой перед лицом, словно стряхивая ненужные для разговора эмоции, и сразу начал с главного.

– Для меня смерть Кати – личная трагедия. Да-да, мы с ней собирались пожениться. Мы идеально подходили друг к другу. Я никогда не думал, что нечто подобное в действительности может существовать между мужчиной и женщиной.

И снова я обратил внимание на его голос. Он у Демьянова был удивительно гибкий, легко передающий любые оттенки душевного состояния. Уж не из актеров ли он? Сейчас в его тоне слышались нежно-печальные нотки, свидетельствующие о том, насколько велика для него память о Кате.

– Именно так, – подчеркнул Сергей Владимирович. – Вы, может, не поверите, но мы чувствовали друг друга даже на расстоянии. Стоило мне почему-то загрустить, как Катя немедленно звонила и спрашивала, все ли у меня в порядке. Или я вдруг ни с того, ни с сего начинал ощущать тревогу, связывался с Катей и, вы опять не поверите, по первым звукам голоса, по дыханию и даже молчанию чувствовал ее настроение.

– Почему не поверю? Охотно допускаю такую возможность, – отозвался я.

– Эх, а вот самое страшное я и упустил...

В речи посетителя слышались трагические нотки.

– Вы знаете, – продолжал он, в волнении сцепив ладони рук, – она очень переживала по поводу смерти матери – Натальи Кузьминичны. Просто места себе не находила. Она – единственная дочь, и мать для нее была – самым близким человеком. Кроме меня, конечно. Я, как мог, старался утешить ее, говорил, давай поедem за границу, ты успокоишься, отойдешь от трагедии. Она ни в какую не соглашалась.

Он сжал в кулаки пальцы обеих рук, так что они хрустнули.

– Но я никак не предполагал столь ужасных последствий. Ну почему она так поступила, не посоветовавшись со мной? Убежден, тогда еще можно было что-то исправить. Ведь мы с ней договорились, что никакой информации, даже самой неприятной, не будем скрывать друг от друга. Просто, ума не приложу. И виню только себя...

Он закрыл лицо ладонями, тяжело вздохнул.

– Расскажите о вашей последней встрече с Катей. Была ли у вас с ней ссора? – произнес я, настраивая собеседника на конструктивный лад беседы.

– Упаси боже, – вострепенулся Демьянов, – какая ссора! Мы с Катюшей жили душа в душу. Незадолго до своей гибели она заявила, что ее недели на три направляют в заграничную командировку. Такое случалось и раньше, поэтому я этому сообщению особого значения не придал.

Она уехала, и каждый день мы с ней перезванивались. Катюша была как будто спокойна, говорила, что скучает, обе-

щала скоро вернуться. Потом, это было уже за неделю до ее смерти, сообщила, что задерживается. Но пусть меня это не тревожит, скоро все будет хорошо. И опять я ничего не почувствовал. Боже, какой я был глупец! Недаром говорят, что счастливые и влюбленные – самые слепые люди. А она в это время уже приняла роковое решение, которое вскоре и осуществила.

– Когда и где происходила ваша встреча? – спросил я.

– Я же говорю, за месяц до трагического дня. Мы ужинали в ресторане, затем она сказала, что ей надо собираться в дорогу, и мы расстались. Уже потом, когда это случилось, я поехал к ней на работу. Выяснилось, что ни в какую командировку Катю не посылали, она по собственной инициативе оформила на месяц отпуск, и больше никто ее не видел. Все ее сослуживцы были в страшном недоумении, они тоже ничего не знали.

Демьянов снова потер ладонью лоб. Передо мной сидел убитый горем человек. Даже голос его потерял всю свою индивидуальность, звучал монотонно и глухо. Сочувствуя ему, я подумал, что большего от него добиться невозможно. Задав еще несколько уточняющих вопросов, я с ним распрощался. Возле двери Демьянов обернулся и неуверенно произнес:

– Если для успеха расследования нужны деньги, то я всегда готов. При необходимости могу достать любую сумму.

Я сделал протестующий жест рукой. Сергей Владимиро-

вич, смущенно улыбаясь, сказал:

– Да-да, понимаю. Извините. – И добавил: – Про вас говорят, что вы ас в раскрытии любого дела. Очень, очень на вас надеюсь.

Он уже собрался прикрыть за собой дверь, когда я его спросил:

– И все-таки, как могло случиться, что вы не распознали состояние Кати? Неужели не замечали ничего необычного в ее словах, действиях. Хотя утверждаете, что очень тонко ее чувствовали...

Он вздрогнул.

– Я сам не могу понять, – с трудом выдавил он.

...После того, как Демьянов покинул кабинет, я подошел к окну. Машина у него была совсем новая и дорогая, из последних моделей. Сергей Владимирович спокойной походкой, словно это не он еще пару минут назад находился в глубоком отчаянии, подошел к машине, уверенно открыл дверцу, лихо развернулся и умчался.

Людмила Алексеевна Вишнева, которую друзья ласково именовали наша «черри-лю», хотя, наверное, правильнее ее было бы называть «колючим кактусом», по праву считалась самым авторитетным специалистом в области графологии и могла по особенностям почерка не только определить психологическое состояние человека в момент написания текста, но и дать развернутую характеристику его личности.

– Поясни, что тебе конкретно надо? – худая, стремительная, как молния, Людмила загасила окурок в пепельнице и тут же сунула в рот новую сигарету. Я поморщился.

– Когда ты бросишь курить? Сколько помню тебя – вечная сигарета в губах.

– Хорошо, хоть такую запомнил. А то, не кури я, совсем бы забыл, – отпарировала она. Ей палец в рот не клади. – Ты, верно, с ума сошел. Как по трем коротеньким словам я смогу установить, что собой представляет их автор! Для этого нужен текст не менее, чем на половине листа. Да еще контрольные экземпляры. Более 120 признаков почерка надо выявить, чтобы сделать какие-то выводы.

– погоди, я объясню. Ты мне нужна сейчас даже не столько в качестве специалиста, а скорее – как женщина...

– Ой-ля-ля! Что я слышу, – тут же насмешливо отреагировала Людмила Алексеевна. – У тебя возникли некие сек-

суальные проблемы?

– Да выслушаешь ты наконец! – взорвался я. – С тобой невозможно разговаривать.

– Все, – она уморительно повела руками. – После того, как ты заинтересовался мной в качестве женщины, я полностью в твоей власти. Говори.

– Девушка, о которой идет речь, покончила жизнь самоубийством. Перед смертью оставила записку. Вот эти самые три слова. Я нашел образцы ее почерка, написанные ранее. Сравни их.

– Ну и? – Людмила сквозь лупу быстро просмотрела переданные ей тексты.

– Понимаешь, перед тем, как решиться на такой чрезвычайный шаг, как самоубийство, человек обязательно пребывает в состоянии крайнего стресса. Тем более, если это женщина с ее подвижной эмоциональной сферой. Я думаю, что ее состояние как-то должно отразиться в почерке. Однако обрати внимание: текст написан бестрепетной рукой, ровно, безукоризненно. Словно его автор, заметь, это молодая девушка, находился в полном душевном равновесии. Не понимаю, как такое могло быть? Вот я и хотел, чтобы ты мне это разъяснила.

– Так, так – в глазах внимательно слушавшей меня Людмилы зажегся огонек. – Очень интересно. Сейчас посмотрим.

Она включила компьютер, отсканировала текст, вывела

его на монитор, увеличила буквы до нужного размера и углубилась в их изучение. Я по опыту знал, что теперь Людмила ни в коем случае нельзя отвлекать – иначе нарвешься на яростную вспышку ее гнева.

По управлению даже ходила следующая байка: как-то вновь назначенный начальник, знакомясь с сотрудниками, делал обход служебных помещений. Зашел он и в кабинет, где Людмила что-то исследовала. Обычно, в таких случаях подчиненные вскакивают со своих мест и, как говорится, «едят» глазами начальство в ожидании распоряжений.

Людмила даже не повернула голову. Полковник постоял несколько секунд и кашлянул.

– Какого черта! – сердито воскликнула Людмила Алексеевна, не отрываясь от своего занятия. – Не видите, что я занята. Зайдите позже.

Полковнику ничего не оставалось, как развернуться и уйти. Когда позднее Людмиле рассказали, кто к ней приходил, она несколько не смутилась: ну и что, заявила она, я ведь не бездельничала, а ему надо было заранее меня предупредить...

Пока эксперт увлеченно, что-то бормоча про себя, исследовала текст, я в который уже раз с любопытством оглядывал ее кабинет. Он походил на необычную, удивительную галерею. На стенах комнаты были вывешены десятки портретов одного и того же человека, только с разными «лицами»: начиная от выражения буйного веселья и заканчивая бешеной

яростью. А между этими крайностями располагались: спокойствие, печаль, угроза, недовольство, изумление, умиление, усмешка, огорчение... Под каждым портретным снимком – образцы почерка с выделенными признаками, которые соответствовали тому или иному душевному переживанию. Я нашел интересующую меня «физиономию». Она, на мой взгляд, больше других могла бы символизировать состояние, в котором незадолго до смерти пребывала Катя Бежева – трагическое отчаяние...

– Что могу сказать, – наконец повернулась ко мне Людмила, – твоя пассия была явно неординарной женщиной. Ты говоришь, она работала манекенщицей? Вспомни лица моделей, когда они вышагивают по подиуму – на них полное отсутствие какого-либо выражения. Недаром существует характерное определение – «мордочка манекена». У женщины, может, внутри бушует буря эмоций, клопочут страсти, а на лице тишь да благодать, походка идеальная. Это – профессиональное качество и вырабатывается оно долгой тренировкой. Полагаю, что, примерно, то же самое мы имеем в данном случае.

Безукоризненный почерк, которым написана предсмертная записка, свидетельствует, что Бежева умела держать себя в руках даже в самой критической ситуации. Такой человек принимает серьезные решения не в результате временных, пусть и крайне сильных эмоций, а после тщательного и всестороннего взвешивания. И еще, когда примет, наконец, ре-

шение, то уже никогда от него не оступится.

– Однако, если Бежева была сильной личностью, какой ты ее характеризуюешь, то, очевидно, лишь исключительные обстоятельства могли толкнуть ее на самоубийство. Так ли?

– Ты сам и ответил на свой вопрос, – подтвердила эксперт. – В подобных ситуациях возникает мощный внутренний конфликт личности, который разрешается только чрезвычайным способом...

– Смерть матери могла вызвать у Кати решение о самоубийстве?

– Сколько было лет матери?

– Около шестидесяти пяти.

– Не думаю, – со свойственной ей категоричностью отрезала Людмила Алексеевна, – принимая во внимание не только возраст матери, но и то, что она долго и серьезно болела. Ее дочь в какой-то степени подсознательно была подготовлена к возможному трагическому исходу.

Я вытащил из папки два кружочка со словами «да» и «нет» и поинтересовался у Людмилы, что они могла означать.

– Где они были найдены? – спросила она.

– Лежали в гостинице на столе вместе с предсмертной запиской.

Людмила повертела кружочки в руках.

– Тут все понятно, – сделала она свой вывод. – Девушка решила перед смертью испытать судьбу. Гадала на самую се-

бя, на уже принятое решение. И у нее выпало «да». Видишь, она обвела слово губной помадой. Своего рода психологическое подкрепление, что она поступает правильно.

Людмила Алексеевна заторопилась.

– Если у тебя больше нет вопросов, выметайся отсюда. У меня еще масса работы. Не считай, что раз ты мой друг, то можешь злоупотреблять моим терпением. Подробное письменное заключение пришлю тебе завтра.

Участковый инспектор Калиушкин был предупредителен, быстро догадывался, чего ждет от него начальство, и умел отвечать так, чтобы при любом раскладе избежать руководящего гнева. Одним словом – себе на уме. Еще он был аккуратист. На его рабочем столе в крохотном служебном кабинете не было ничего лишнего. Только папка со служебными бумагами и стаканчик с остро оточенным карандашом и шариковой ручкой.

Когда я созванивался с участковым инспектором, то не стал по телефону объяснять ему причину встречи. Решил, что не буду вызывать его к себе, а приеду сам. Хотел побеседовать с Калиушкиным в привычной для него обстановке.

Из окна его кабинета виден был новенький малолитражный автомобиль с полосой вдоль кабины «Участковый уполномоченный». Такой вот подарок сделали недавно полицейскому местные власти, чтобы тот успевал объезжать обслуживаемую территорию и активнее общались с населением.

– Так вы по поводу той девицы, что покончила с собой? – переспросил Калиушкин, когда я объяснил ему цель визита. – А я все думал, с чего вдруг опять начальству понадобился. Как же, помню то дело, будь оно неладно. О нем еще с самого министерства звонили, интересовались...

«Вот так сюрприз!» – отметил я про себя данное обстоя-

тельство и спросил:

– Вы ведь первым оказались на месте происшествия?

– Совершенно верно. Я дежурил в тот день по отделению. Что-то не так? Вроде я все сделал правильно...

Я успокоил его, сказав, что к нему никаких претензий не имеется. Просто надо проверить некоторые факты.

Он подробно рассказал, как выезжал на место трагедии, проводил осмотр, беседовал с работниками гостиницы... Заметил, что позднее прибыл следователь прокуратуры и медицинский эксперт. Но поскольку ничего криминального не было обнаружено, то следователь не стал заниматься расследованием, оставив материал у участкового.

Собственно ничего нового к тому, что уже было известно, Калиушкин не добавил. Меня главным образом интересовало, с чего он решил, что Бежева ушла из жизни из-за своей «безграничной любви» к матери и переживаний на этой почве, так как именно такую причину Калиушкин указал в своем постановлении. Тем более, что разница между двумя смертями – более трех месяцев. Тут участковый вдруг смутился.

– Ну, вы понимаете, материал смотрели мой начальник, прокурор, и не было ни у кого сомнений в том, что она покончила с собой на добровольной основе. То есть никакого тебе состава преступления...

– Ясно, – кивнул я головой, – потому вы и отказали в возбуждении дела...

– Я же говорю, это не только мое мнение. Только нам непонятно было, из-за чего она пошла на самоубийство. Сначала думали, что потерпевшая является дорогостоящей проституткой, которая что-то не поделила с сутенером или со своими товарками... Или, может, наркотиками баловалась. Но вроде ничего подобного не подтвердилось, доказательств не нашли. Ну, а потом поступил звонок с министерства...

– Вот как? Кто звонил и зачем?

– Он представился полковником..., полковником..., эх, забыл фамилию. Спросил, как идет разбирательство по поводу смерти Бежевой.

– Как он разговаривал?

– Так, как обычно говорит начальство с нами. Ну, с теми, кто работает на земле. Очень солидно, авторитетным голосом. Я ему обо всем доложил, и пожаловался, что мы не можем понять мотив самоубийства. Тогда полковник снисходительно рассмеялся и сказал: «Ты, лейтенант, много не думай, чтоб мозги не высохли. У Бежевой ведь мать недавно умерла, которую она очень любила. Я точно знаю, что она места себе не находила из-за переживаний по этому поводу. Чем тебе не мотив?». Вот, пожалуй, и все.

– С чего вы решили, что звонок был из министерства? Может, с вами связывался кто-то посторонний, представившись полковником?

– Нет, – убежденно заявил участковый. – Он звонил

по внутренней связи, предназначенной исключительно для служебных переговоров. К тому же начальника сразу по тону узнаешь. Он еще покашливал очень многозначительно. У меня сложилось впечатление, что там, наверху внимательно следят за этим делом.

После того, как мы с Калиушкиным закончили официальную часть беседы, он посчитал возможным доверительно поделиться со мной мнением.

– Не пойму, товарищ майор, зачем вам снова понадобилось возиться с этим делом. Ведь к материалу не подкопаться, все ясно и логично. К чему эти лишние хлопоты...

– Мне пока не все ясно, – коротко ответил я

– Как хотите, но я уверен, что эта Бежева все-таки была настоящей путаной.

– Почему у вас такое мнение?

– Да сами посудите: девица незамужняя, красивая. Профессия у нее какая-то легкомысленная..., ну, в общем, на подобные мысли наталкивающая. На ее работе говорили, что уж очень она хотела выскочить замуж за крупного бизнесмена. Еще говорили, мужиков вроде меняла, как перчатки. Мои коллеги, ну те, с кем я о ней разговаривал, именно так и думают.

– А что, если женщина, как вы говорите, легкомысленная, то ее надо со счетов списывать? – усмехнулся я.

– Не-а..., – протянул растерянно участковый. – Я не то имел в виду. – И, как примерный школьник на уроке, заучен-

но отбарабанил: – У нас перед законом все равны, и проститутка, и порядочная женщина. И все защищаемы законом.

– Вот поэтому я и расследую это дело. Кстати, вы не знаете, куда пропал ее мобильный телефон?

– Мобильный телефон? – задумался лейтенант. – Да его с самого начала не было! Да-да, не было. Точно помню. Может, она сама его выбросила перед смертью, ну..., чтобы никто не копался в ее личной жизни.

И уже в конце нашей беседы капитан полиции порывлся в столе и вытащил фотографию, которую, по его словам, он не приобщил к делу, поскольку не видел в этом необходимости. «Ведь и так все было ясно», – снова повторил он.

Внимательно рассматривая фотографию, я в отличие от участкового, пришел к иному мнению. Это был фотоснимок с похорон матери Кати Бежевой. На переднем плане перед гробом она в черном пальто, длинном платье и траурном платке. Рядом, бережно придерживая девушку под руку, с печальным видом стоял незнакомый молодой человек. Среди толпы, в стороне, я увидел и Демьянова.

И вот это-то мне показалось очень странным. В минуты траура близкие люди стремятся быть рядом и, как могут, поддерживают друг друга. Демьянов же, который в беседе со мной утверждал, что у Кати ближе него никого не было, словно посторонний, слишком уж спокойно наблюдает со стороны за происходящим. Да, здесь явно что-то не так.

А как он мастерски в разговоре со мной разыграл психологическое потрясение! Как по-актерски талантливо вибрировал голосом и играл глазами!

И что за неизвестный молодой человек стоит рядом с девушкой?

Да, похоже, интуиция моего начальника Саблина как всегда его не обманула. Хотя, может, Саблину известно нечто неведомое пока мне. И почему он просил меня держать ход расследования в секрете от других и обо всем докладывать лично ему?

...Сейчас я как раз и направлялся с докладом в кабинет полковника. Он, нахмурившись, сидел за столом, даже не подал мне руки, лишь кивком головы указал на стул. Порылся в бумагах, лежащих на столе, взял какой-то листок, пробежал по нему глазами, снова бросил на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.